

РЕЦЕНЗИИ

УДК 59(048) : 591.511

Р. ХАЙНД «ПОВЕДЕНИЕ ЖИВОТНЫХ. СИНТЕЗ ЭТОЛОГИИ И СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ», Изд-во «Мир», М., 1975, 855 стр.

В последние годы в нашей стране наблюдается заметное повышение интереса к проблемам поведения животных. Насущная потребность в серьезном руководстве, где были бы отражены последние достижения в этой области науки, послужила важным стимулом для перевода на русский язык книги Р. Хайнда. Поскольку это одна из наиболее серьезных сводок по данной теме в зарубежной литературе и единственная работа такого рода в русском переводе, ее тщательный разбор представляется весьма желательным.

Роберт Хайнд принадлежит к поколению европейских этологов, для которых характерно критическое отношение к классическим концепциям этологии, выдвинутым родоначальниками этой науки в 30—40-х гг. нашего века. Один из путей модернизации этологических воззрений Р. Хайнд видит в устранении давних традиционных барьеров между этологией и другими поведенческими дисциплинами, а также в ее сближении с нейрофизиологией, эндокринологией, психофизикой, психиатрией и прочими науками, в той или иной мере занятыми исследованием поведения. Иными словами, речь идет о создании новой синтетической науки о поведении. Такой процесс взаимной ассимиляции идей и методов вообще характерен для науки XX столетия, и неудивительно, что подобное взаимопроникновение наблюдается в последние десятилетия и в сфере поведенческих дисциплин. Автор книги стремится ускорить этот процесс и придать ему направленный характер, объединив в одной обширной сводке основные достижения этологии, бихевиоризма и американской зоопсихологической школы (лидеры последней — Т. Шнейрла, Д. Лерман, Е. Гесс, Ф. Бич и др.).

Надо сказать, что задача органического синтеза этих направлений представляется гораздо более сложной, чем это может показаться на первый взгляд. Общность объекта, с которым имеют дело все названные направления, не является абсолютным залогом успеха такой попытки. Специфические особенности перечисленных школ касаются не только различий в методических подходах (наблюдения в поле у этологов и лабораторный эксперимент с депривацией у бихевиористов и зоопсихологов). Гораздо существеннее несходство в общих методологических принципах этих направлений. Стоящая перед этологами задача исследования целостного поведения во всем его многообразии и системной сложности привела к формированию достаточно общих дедуктивных схем, образующих теоретический каркас этологии. Напротив, позитивистская и прагматическая направленность бихевиоризма способствовала преобладанию здесь индуктивного подхода и сознательного приоритета эмпиризма. Эти серьезные различия в методологии особенно содействовали развитию стойкого взаимного скептицизма у европейских этологов и американских психологов. Скептицизм этот не преодолен до настоящего времени¹. Все сказанное, на наш взгляд, делает оптимизм Р. Хайнда, сквозящий в предисловии к его сводке (стр. 8—9), не вполне оправданным. То обстоятельство, что представителей обоих направлений могут интересовать общие проблемы, само по себе еще не гарантирует от опасности эклектизма при попытке синтеза этологии и сравнительной психологии.

К сожалению, Р. Хайнд не только не избежал этой опасности, но, что очень важно, даже не оговорил ее неизбежности на данном этапе развития науки, что могло бы частично оправдать бросающуюся в глаза механистичность объединения этологических и зоопсихологических концепций. Первым признаком отсутствия органического

¹ Подробнее см. Е. Н. П а н о в «Этология — ее истоки, становление и место в исследовании поведения»: А-39, Изд-во «Знание», 1975, М.

² Development and evolution of behavior, 1973, Ed. L. Aronson, E. Tobach, D. Lehman, J. Rosenblatt, N. Y.

синтеза служит то обстоятельство, что некоторые главы или рубрики оказываются почти чисто этологическими и по подходу, и по материалу, и по методу (например, главы 16, 17, 26 и 27), тогда как другие — почти всецело зоопсихологические или бихевиористские (главы 5, 10, 20, 23, 24 и др.). Примером механической стыковки могут служить рубрики 2 и 3 главы 6. В первой обсуждается проблема поведенческой установки с позиций этологического принципа «образа искомого», а во второй — та же проблема с позиций психологической концепции «избирательного внимания». При этом рубрики связаны только композиционной близостью, общностью места.

Следуя своему в целом эмпирическому настрою, автор уделит гораздо больше внимания и места экспериментальным данным зоопсихологов. Результаты множества частных и, как правило, весьма противоречивых экспериментов сопоставляются со скрупулезной тщательностью, которая не всегда отвечает значимости самих этих экспериментов. Конечный результат такого сопоставления, как правило, формулируется таким образом, что в силу многообразия и противоречивости данных какие-либо позитивные выводы делать вообще преждевременно. Что касается этологической (и экологической) проблематики, то она растворяется и тонет в этом недостаточно организованном экспериментальном материале. Подобная фрагментация этологических концепций приводит к дезинтеграции основных понятий. Будучи вырванными из теоретического контекста, последние утрачивают значительную долю содержания. Например, понятие «завершающий акт» имеет смысл в противопоставлении его «аппетентному поведению». Между тем, речь о завершающих актах идет на стр. 636—637, а об аппетентном поведении — на стр. 20, 277, 281, 348 и 349. Попытки автоматически распространить понятия, значимые в одной сложившейся системе взглядов, в систему положений другой дисциплины — это и есть эклектизм, который редко приносит полезные плоды. Так, расширяя психофизиологическое понятие «подкрепление» в область анализа целостного поведения животных в природе, автор пытается говорить о «самоподкреплении», которое может нести в себе каждое действие животного. Однако результат этой попытки настолько явно неудовлетворителен, что сам автор тут же пишет, что таким способом «...можно объяснить все что угодно» (стр. 657—658). В конечном итоге выясняется, что «...разнообразие результатов вызывает сомнения в обоснованности каких-либо обобщений относительно ...сенсорного подкрепления для всех реакций, для всех животных и для всех условий» (стр. 640, разр. моя — Е.П.).

Если обсуждение сравнительно-психологических и физиологических концепций базируется на анализе большого фактического материала и тем самым выливается в достаточно объективную процедуру, то отношение Р. Хайнда к более общим этологическим гипотезам нередко выглядит достаточно субъективным. В частности, автор скептически относится к принципу «образа искомого» в рубрике 6.2 (принимая ее, однако, как данное в рубрике 24.4), к концепции «врожденного разрешающего механизма», к ранней трактовке понятия «импринтинг», но безоговорочно принимает сомнительную гипотезу «конфликта мотиваций» и совершенно необоснованный принцип «типичной интенсивности сигнала». Из колоссальной массы этологических исследований выбраны преимущественно данные лабораторных экспериментов, тогда как сам автор пишет, что многие вопросы, издавна составляющие камень преткновения для экспериментаторов, легко решаются путем простых полевых наблюдений (стр. 623). В то же время попытки исследования целостного поведения в лаборатории легко приводят к крайнему упрощенчеству, свидетельством чему служит, по мнению самого Р. Хайнда, подробно разбираемая им на стр. 263—266 работа А. Севенстер-Бол.

Особенно следует остановиться на заключении автора, что идея деления поведения на «врожденное» и «приобретенное» неплототворна. В подтверждение Р. Хайнд ссылается на весьма неудачное (и характерное для эпигенетиков-эмпириков) высказывание Д. Хебба, что вопрос, в какой мере поведение зависит от генетических факторов и в какой — от влияния среды, столь же бессмыслен, как и вопрос, от чего больше зависит площадь — от длины или от ширины. Если продолжить эту аналогию, следовало бы прийти к выводу, что в геометрии оправдано только понятие «площадь», тогда как понятия «длина» и «ширина» могут быть безболезненно отброшены. Да и сам Р. Хайнд в выводе 4 к главе 18 отступает от постулируемого им принципа, говоря, что при сравнении двух организмов «...нас должно интересовать, чем определяются их различия — генетическими факторами или факторами опыта» (стр. 463). Конечно, фенотип формируется по генетической программе при постоянной коррекции среды. Однако, если бы Р. Хайнд был последователен в проведении принципа «границ приложения обобщений», он бы вспомнил, что вся этология сформировалась на основе у с л о в н о г о подразделения элементов поведения на врожденные и приобретенные. Об эвристической ценности такого условного подразделения на первых этапах описания и анализа писал не только основоположник этологии Ч. Уитман, но и лидер бихевиоризма Дж. Уотсон. Таким образом, этот вопрос долгое время решался одинаково как преформистски настроенными этологами, так и стоящими на эпигенетических позициях зоопсихологами.

Другая группа проблем, с которой мы сталкиваемся при оценке сводки, состоит в том, каково соотношение между фактологией и теорией в этой книге. Уже первое ознакомление с ее композицией создает впечатление некоторой растерянности автора при попытке подчинить себе и четко контролировать все многообразие эмпирических

данных и их первоначальных обобщений, которые Р. Хайнд намерен проанализировать. Внешним признаком этого служит подчас не вполне понятный для читателя способ выделения глав (например, главы 23 и 24), а также логически не совсем убедительный порядок глав и рубрик (в частности, главы 3—6). Эту слабость сознает и сам автор, который в предисловии готов посоветовать, что книге вообще положено быть разбитой на главы (стр. 9). Общая композиция держится, скорее, не на главах, а на четырех крупных разделах, материал которых крайне неравномерен и объем которых не всегда соответствует значимости самих разделов. Так, разделы I и IV, посвященные вопросам методологии и эволюции, выглядят чем-то вроде вынужденных довесков к двум другим, центральным разделам. Рубрикация внутри глав еще более произвольна, причем идущие друг за другом рубрики часто несопоставимы по рангу значимости. Примером могут служить последовательные рубрики в главе 20: «Эквивалентность восприятия через оба глаза»; «Физиологическое развитие восприятия у кошек»; «Кинестетическая перцепция у шимпанзе»; «Развитие зрительно-двигательной координации» и т. д. Хотя каждая отдельная рубрика насыщена ценным фактическим материалом, отсутствие четкой, а к ц е н т и р у е м о й единой канвы делает книгу мозаичным собранием разноплановых эссе.

Задаче логической интеграции материала должны были бы способствовать выводы в конце каждой главы. Однако эти выводы также носят чересчур частный характер. Часто «вывод» лишь немного более многословно дублирует название рубрики в оглавлении. Так, выводы к перечисленным только что рубрикам главы 20 выглядят так: «эквивалентность восприятия через оба глаза у кошек и шимпанзе зависит, а у утят не зависит от соответствующего (?) опыта»; «обсуждается роль бинокулярного зрения в развитии зрительной системы у котят»; «в развитии кинестетического восприятия у шимпанзе играет роль опыт» и т. д. Во многих случаях выводы сводятся к тому, что какие бы то ни было заключения сделать «трудно» или «преждевременно». К главам 15 и 26 автор вообще не сформулировал сколько-нибудь содержательных выводов, несмотря на то, что эти главы затрагивают весьма важные темы и содержат соответственно 40 и 20 страниц текста. К двум главам по эволюции поведения сформулировано в общей сложности 6 «выводов», которые носят характер явных трюизмов.

Все это можно было бы рассматривать просто как претензии к ф о р м е изложения, если бы перечисленные слабости не наталкивали на мысль, что автор, приступая к написанию книги, не имел перед собой четкой логической структуры анализируемого предмета. В предисловии Р. Хайнд пишет, что «...поведение животных как предмет не удается четко определить». Здесь уместно вспомнить, что «...чем эмпиричнее наука, чем ближе она к сфере элементарного опыта, тем труднее различить ее объект и предмет»³. В изложении Р. Хайнда наука о поведении предстает именно как наука глубоко эмпирическая, в которой частная фактология и множество сравнительно узких обобщений довлеют над общими очертаниями феномена.

Парадокс состоит в том, что тот самый гигантский объем материала, который делает рецензируемую сводку одной из наиболее полных в современной литературе, одновременно определяет и ее главные недостатки. Автору не удается четко выделить из объекта исследований предмет науки, что осуществимо лишь на пути искусственного «обрезания» многих реально существующих связей и создания тем самым необходимого уровня абстрагирования. Если не сделать этого, то наука о поведении становится синонимом биологии вообще. Действительно, следуя за реально существующими причинными связями, мы можем сколь угодно глубоко проникать в тонкие структуры организма, вплоть до молекулярного уровня, или же двигаться вверх, доходя до общих принципов организации биосферы. Такое всестороннее расширение подходов необходимо, но оправдано оно лишь в том случае, если центральный предмет наших исследований (именно — целостное поведение организма) будет понят на основе закономерностей поведенческого уровня.

Континуальность поведения — как во времени, так и в смысле возможности незаметных переходов с одного уровня исследований на другие (физиологический, организменный, популяционный, биоэкологический) требует особенно жесткой процедуры логического абстрагирования. Между тем Р. Хайнд, формально отдающий долг методологии анализа в главах 1 и 2, не может порвать со всепоглощающими надеждами на эмпирию. Постоянно подчеркивая условность процедуры выделения понятий и описания объекта, он тут же отрицает этот путь, говоря, что многое не учтено и потому выводы сомнительны (стр. 95, 277, 501, 573, 591, 592, 595, 596, 600, 603 и т. д.). Пронизывая собой всю книгу, такие высказывания создают определенный настрой, суть которого в том, что нет оснований формулировать какие-то общие принципы, пока нами не изучены все или почти все виды, все типы их реакций и все взаимосвязи всех факторов как внутри организма, так между организмом и средой. При таком подходе возможность создания общей теории откладывается в далекое или даже недостижимое будущее. Но теория нужна нам сейчас, ибо «...теория не только формулирует то, что мы знаем, но и говорит нам о том, что мы хотим знать. Более того, структура теоретической системы указывает на возможные альтернативы в решении данного

³ В. В. Мартынов «Кибернетика, семиотика, лингвистика», Изд-во «Наука и техника», Минск, 1966.

вопроса»⁴. И так, общая теория нужна как программа дальнейших действий, и существование частных обобщений и гипотез еще не окупает этой важнейшей потребности развивающейся науки.

Возможность создания дедуктивно-логических теоретических схем есть факт непреложный, проверенный на опыте многих развитых наук. Однако эта возможность, часто недооценивается или даже встречается в штыки. «В силу ряда объективно сложившихся причин многие представители гуманитарных (и естественных — *Е. П.*) наук, склонны недооценивать логический аппарат науки. И хотя они нигде явно не выступают против математики и логики, внутренне они убеждены, что «логическим путем» ни к каким открытиям прийти нельзя, что открытие — это результат эксперимента, наблюдения над новыми фактами...». Между тем «...любая достаточно сложная совокупность взаимосвязанных явлений может оказаться необозримой (разр. моя — *Е. П.*) для исследователя, пытающегося все определить непосредственным наблюдением» (Мартынов, 1966). Правда, Р. Хайнд упоминает о методе логического моделирования в главе 1, но упоминание это предельно кратко, вопреки важности метода и касается лишь одной проблемы — моделирования физиологических механизмов.

Создание теории невозможно без четкой, разработанной понятийной базы. Можно задать вопрос, пригоден ли понятийный аппарат, использованный в книге Р. Хайнда, для построения органичной и непротиворечивой теории поведения. Вероятно, на этот вопрос придется ответить отрицательно. Иногда вообще возникает впечатление, что кристаллизация понятий — это важнейшее звено процедуры логического абстрагирования, не входит в задачу автора. Например, посвятив целую главу проблеме обучения, он лишь в начале следующей главы (стр. 605) задается вопросом, что же такое «обучение». Другие важные понятия по мере перехода из одной главы в другие незаметно оказываются синонимами, тогда как первоначально постулировалось их принципиальное различие. Так, глава 9 посвящена «побуждению», и тут анализируются половое и агрессивное побуждения. В главе 10 мы сталкиваемся с половой и агрессивной «тенденциями» (стр. 267), а затем только в начале главы 16 знакомимся с определением «тенденции», которая преподносится как нечто вполне отличное от «побуждения». Оба эти понятия легко заменяются понятием «мотивационный фактор» (стр. 410) и рядом других.

Создание четких логических схем предполагает оперирование с понятиями более или менее односмысленными. Отсутствие этого условия не только тормозит создание непротиворечивой теории, но и попросту затрудняет чтение и понимание текста. Попытки автора по ходу изложения корректировать суть данного понятия в применении к данному контексту не всегда спасают положение, а подчас вызывают еще большую растерянность читателя, который чувствует, что твердая почва незаметно уходит из-под ног. «Некоторые трудности,— пишет Р. Хайнд на стр. 379,— возникающие при анализе проблемы взаимосвязи между «страхом» и «исследовательским поведением», обусловлены использованием этих же терминов применительно к гипотетическим «унигарным побуждениям»... Мы же используем здесь (разр. моя — *Е. П.*) эти термины для обозначения категорий поведения, причем, как мы видим, эти категории частично перекрываются».

Проблема теоретического языка в науке о поведении — проблема весьма животрепещущая. Еще Л. Витгенштейн писал, что «...психология состоит из экспериментальных методов и путаницы в понятиях»⁵. Стройная система односмысленных понятий может родиться в процессе выделения неких структурных единиц поведения. Расчленение континуума, «потока» поведения на единицы разных уровней и разных рангов представляет собой первоочередную задачу описания и анализа поведения⁶. Р. Хайнд перешагивает через этот необходимый этап структурирования предмета, которое в настоящее время должно носить преимущественно логико-дедуктивный характер. Что касается эмпирического обеспечения, то оно, как показывает и сама книга Р. Хайнда, более чем достаточно при существующей сумме фактов.

В целом создается впечатление, что автор сводки не пытался дать некий общий набросок теоретической системы, а пошел по более легкому пути суммирования фактов и частных концепций, сдобрив все это значительной долей скептицизма.

В этой рецензии нам хотелось подчеркнуть общие недостатки, которые характерны в настоящее время для многих поведенческих дисциплин. Эти недостатки, фиксируя внимание исследователей на сборе фактического материала, тормозят назревшую необходимость перехода науки о поведении от описательного к аналитическому периоду, для которого эта область знаний, как мы полагаем, достаточно созрела. Фиксирование внимания на слабостях рецензируемой книги было сделано в ущерб констатации ее достоинств, многие из которых несомненны. Колоссальная работа Р. Хайнда по обобщению огромного фактического материала и всего разнообразия взглядов разных ученых и школ делает его сводку ценнейшим справочником, который, несомненно, станет настольной книгой всех советских исследователей поведения.

Е. Н. Панов

⁴ T. P a r s o n s «The structure of social actions», 1937, N. Y.

⁵ Приводится по Ф. Джордж «Мозг как вычислительная машина», 1963, Изд-во иностр. лит., М., стр. 77.

⁶ Д. Миллер, Е. Галантер и К. Прибрам «Планы и структура поведения», 1965». Изд-во «Прогресс», М., стр. 29, 35 и др.